

А.А. Иголкин

ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ: ПОЛИТИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ

Экономическая система обладает очень большой инерционностью; это, в частности, означает, что быстро изменить все хозяйственные процессы невозможно, и, чтобы понять, что и почему происходило в экономике в период Гражданской войны, нужно представлять, в каком состоянии находилось хозяйство России к октябрю 1917 г.

Важно отметить, что это была экономика не самой развитой воюющей страны, где через два с половиной года после начала невиданного до того времени военного противостояния произошла Февральская революция, сразу давшая народу такие права, каких доселе не было ни в одном государстве даже в мирное время.

* * *

К 1917 г. экономика России была перестроена на военный лад: на нужды фронта работали три четверти промышленных предприятий. От выпуска многих видов гражданской продукции приходилось либо отказываться, либо резко сокращать объемы производства¹. Если производство вооружений в 1917 г. составило 434 % к уровню 1913 г., то выпуск сельскохозяйственных машин – всего 29 %.

Надеяться на сколько-нибудь существенную экономическую помощь союзников не приходилось. За все нужно было платить золотом, чаще всего – с предоставлением большого аванса, причем оговоренные сроки поставок из-за рубежа срывались, а качество

зарубежного вооружения и иной продукции оставляло желать лучшего. Так, поставки заказанных за границей и оплаченных патронов в 1915–1916 гг. были выполнены лишь на 6,2 %, пулеметов из Англии – на 6 %, из Франции – на 10,4 %. К середине июля 1917 г. союзные поставки вооружения России были выполнены не более чем на 15 %².

Как и во всех воюющих странах, резко возросли расходы государственного бюджета. Во второй половине 1914 г. военные расходы равнялись в среднем 10–12 млн руб. в день, в первой половине 1917 г. – 55 млн руб. Покрыть эти расходы можно было только дополнительной эмиссией денег³. Рабочие и предприниматели, выполнявшие военные заказы, получали все больше денег, но количество потребительских товаров, которые за них можно было бы купить, не только не увеличивалось, а существенно уменьшалось. В результате превышения спроса над предложением росли цены.

С начала Первой мировой войны и до 1 марта 1917 г. покупательная способность рубля уменьшилась в 3 раза, а за восемь месяцев существования Временного правительства – в 4 раза, составив к концу октября 1917 г. 6–7 довоенных копеек⁴.

Важнейшими составляющими экономического потенциала являются трудовая этика и трудовая дисциплина: готовность работать, а в годы войны идти и на неизбежные жертвы, связанные с ухудшением снабжения, повышенными трудовыми нагрузками, ограничениями и самоограничениями.

Вследствие изменения состава рабочего класса его трудовая этика существенно изменилась. Уже мобилизация 1914 г. оторвала от промышленности 40 % кадровых рабочих⁵. На заводы, шахты, железнодорожные мастерские, промыслы пришли в большом количестве

самые разнородные элементы, привлеченные возможностью уклоняться от призыва в действующую армию. Это были люди с иной психологией, иными жизненными установками, гораздо более эгоистическими, чем у основной массы довоенного рабочего класса.

Февральская революция предоставила невиданные, немыслимые в условиях войны свободы. Не только политические, но и экономические. Рабочие получили свободу неограниченного время митинговать во время рабочего дня, чем они с удовольствием и пользовались. Временное правительство в целом и все «революционные» партии – вплоть до кадетов – эту «свободу слова, митингов и демонстраций» поддерживали. А рабочие требовали платить за участие в митингах так, как будто они стояли за станками, у буровых скважин или рубили уголь в шахтах. Номинальная зарплата росла, но она не обеспечивалась приростом выпуска продукции. По законам экономики это неизбежно порождало инфляцию.

Одним из первых актов Временного правительства было издание «Положения о рабочих комитетах на промышленных предприятиях». Но и без этого официального разрешения рабочие комитеты создавались и брали столько власти, сколько могли – на предприятиях частных и казенных, в промышленности и на транспорте. Рабочие стали брать на себя решение не только производственных, но и кадровых вопросов. Неудобные рабочим комитетам руководители изгонялись с работы. Особенно пострадали железные дороги: уже весной управление железными дорогами было полностью дезорганизовано. По требованию рабочих комитетов с 1 марта по 30 июня 1917 г. на железных дорогах России было уволено около тысячи руководителей, почти все – высшее руководство. Оставшиеся начальники только

делали вид, что управляют, потому что за всякую попытку реально повлиять на дело их ожидало увольнение. Лишь в августе 1917 г. правительство попыталось вернуть рабочих в цеха и мастерские, на шахты и нефтепромыслы, лишить их права увольнять администрацию, но было уже поздно.

Будущая разруха начиналась с транспорта, сверх всякой меры перегруженного военными и топливными перевозками⁶.

Еще царское правительство допустило ряд стратегических просчетов в экономической политике: во-первых, топливное снабжение С.-Петербурга основывалось на импортном угле, а пропускная способность идущих из Донбасса железных дорог не была рассчитана на обеспечение столицы отечественным топливом в военное время, и, во-вторых, что уж совсем удивительно, в 1914–1916 гг. строилось почти вдвое меньше паровозов, чем в годы Русско-японской войны. Паровозы быстро изнашивались, требовали ремонта, но объемы ремонтных работ быстро падали: рабочим железнодорожных мастерских очень часто было не до того.

Министром путей сообщения Временного правительства Н.В. Некрасовым в июне 1917 г. был издан приказ об образовании профсоюза железнодорожных служащих и его линейных комитетов. В основу приказа была положена идея привлечения к управлению железными дорогами самых широких масс, которые получали права контроля и наблюдения за всеми производственными и экономическими процессами на железных дорогах. Образованный через несколько дней профсоюз железнодорожников – Викжель (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников) – стал сразу же претендовать на решение тех вопросов, которыми всегда занималось Министерство путей

сообщения, что, естественно, негативно сказывалось на работе транспорта⁷.

Поставки топлива на промышленные предприятия с каждой неделей становились все меньше и меньше. Если в первой половине 1917 г. из-за непоставки угля стали полностью останавливаться предприятия легкой промышленности, то с августа – тяжелой. С 1 августа 1917 г. была введена угольная монополия государства, но топливный кризис продолжал обостряться⁸.

Продовольственные проблемы возникли в России позже, чем в других воюющих странах. Это связано, в частности, с тем, что до войны примерно пятая часть производимого хлеба экспортировалась, а в условиях войны вывоз хлеба за границу резко сократился. Но и сокращение масштабов сельскохозяйственного производства было неизбежным, так как вследствие войны производительные силы деревни значительно уменьшились: на фронт ушли миллионы мужчин в самом работоспособном возрасте; армия требовала большого количества лошадей – основной тогда тягловой силы; металлообрабатывающие заводы вместо выпуска сельскохозяйственного инвентаря производили оружие⁹.

Работа промышленности на нужды фронта не позволяла производить в прежнем или сколько-нибудь достаточном количестве товары, которые крестьяне могли бы купить, продав хлеб. Продовольствие, нужное для снабжения армии¹⁰, рабочих оборонных предприятий, госаппарата и других потребителей, получить на основе эквивалентного обмена было невозможно. Поэтому осенью 1916 г. была введена обязательная поставка хлеба в казну согласно погубернской, поуездной и волостной разверстке. Однако вместо предусмотренных планом на 1916/17 г. 500,6 млн пуд. хлеба поступило лишь 170 млн пуд.

В марте 1917 г. было издано постановление о

государственной торговой монополии на хлеб. Тогда же Временное правительство установило для городского населения хлебный паек, равный 1 фунту в день (русские торговые меры веса: 1 фунт = 409,51241 грамм; 1 пуд = 16,380496 кг; 1 пуд = 40 фунтам). Однако уже летом 1917 г. в Петрограде и Москве выдачи хлеба по карточкам составляли лишь 3/4 фунта, понижаясь в отдельные дни до полуфунта. К осени 1917 г. по карточкам выдавался не только хлеб, но и другие продовольственные товары: сахар (карточки на него были введены даже раньше, чем на хлеб), крупы, мясо, яйца, масло.

В первые месяцы после введения хлебной монополии лишь государство претендовало на роль монополиста. К концу 1917 г. не только губернские, но также уездные и даже волостные Советы издавали декреты, указы и постановления о запрете вывоза хлеба со своих территорий.

Чтобы обеспечить население хлебом по ценам ниже рыночных (хлебный рынок, вопреки декларациям о хлебной монополии, разумеется, сохранялся), нужно было забрать зерно у крестьян по «твердым ценам», то есть тоже меньшим, чем рыночные. Однако с мест Временное правительство получало такие заявления: «У нас нет ни власти, ни какой-либо силы, чтобы выкачать хлеб у населения»¹¹.

Политическая слабость Временного правительства не позволяла ему последовательно проводить в жизнь избранный политический курс. Оно так и не смогло обеспечить хотя бы минимально необходимую трудовую дисциплину, не смогло осуществить законы о хлебной и угольной монополии. Поэтому население не получало достаточного количества хлеба, а промышленность – «хлеба промышленности», то есть угля.

Твердость и решительность, которых так не хватало Временному правительству, были в избытке у

большевиков.

* * *

Партия большевиков, придя к власти, получила возможность реализовать свою политическую и экономическую программу. С политической программой все было более-менее ясно, что же касается экономики, то у нового руководства страны имелось только самое общее представление о той экономической системе, которая со временем должна была бы возникнуть в России. Целью революционных преобразований виделось народное хозяйство, основанное на общественной собственности и потому планомерно управляемое из единого центра. Многочисленные прежние экономические противоречия (между эксплуататорами и эксплуатируемыми, умственным и физическим трудом, городом и деревней и т.д.) должны были бы исчезнуть, распределение благ и их потребление носили бы уравнилельный характер.

В соответствии с учением К. Маркса основным препятствием для развития производительных сил общества с какого-то момента становится господство частной собственности на средства производства. Революционное изменение господствующей формы собственности, по мысли Маркса, позволяло преодолеть отчуждение человека в трудовых отношениях (если труд носит отчужденный характер, то подлинная жизнь для человека проходит лишь вне его рамок, во внерабочее время). Более того, в перспективе ожидалось «снятие отчуждения» от общества, власти, природы.

Революционеры верили, что по законам диалектики на смену прежнему, эксплуататорскому, обществу должно прийти новое, бесклассовое, а на смену частной собственности — общественная.

«Экспроприаторов экспроприируют», как выразался Маркс. Это была именно вера, такая же, как вера религиозная, что отметил еще Н.А. Бердяев: роль Спасителя возлагалась на пролетариат, а вместо небесного рая «праведников» (то есть всех, кроме «эксплуататоров») ожидал рай на Земле. Более высокая экономическая эффективность нового строя жизни казалась самоочевидной, но для пафоса партии большевиков и тех, кто их поддерживал, сухие и в общем-то сложные экономические вопросы сколько-нибудь существенного значения не имели.

Люмпенизированным населением хорошо усваивалось одно: «экспроприаторов экспроприируют». В переводе на понятный язык (возможно, не совсем точном) это воспринималось так: «Грабь награбленное».

Все преобразования, включая и экономические, проводились в расчете на близкую победу мировой пролетарской революции, как минимум – революции в Германии. В этом случае можно было бы рассчитывать на помощь немецкого пролетариата, поставки немецких промышленных товаров в обмен на свои аграрные.

Ленин и его соратники верили, что все экономические преобразования займут, по историческим меркам, очень небольшой срок: возможно, 10–15 лет. Во всяком случае, поколение, свершившее Октябрьскую революцию, сумеет сполна воспользоваться ее плодами. Начало же совершенно новой жизни должно прийти еще быстрее. Весной 1918 г. в узком кругу Ленин и Троцкий говорили о возможности перехода к социализму в течение шести месяцев.

Если смутно видимая конечная цель имелась (она была обрисована еще Марксом), то никакой более-менее конкретной программы преобразований, включающей хотя бы последовательность экономических декретов новой власти, выделение каких-то этапов, у большевиков

не было. Ленин часто повторял: «Сначала возьмем власть, а там посмотрим», «главное – ввязаться в драку». Оставалось непонятным даже самое главное: что же такое «общественная собственность», в каких экономико-правовых формах она должна возникнуть в городе и в деревне.

Самым главным тогда для революционеров было, говоря более поздним языком: сменить цивилизационные коды, заменить ценностно-смысловое ядро общества, попытаться реализовать принципиально новый цивилизационный проект. Целью было новое устройство всей общественной жизни, а система хозяйства должна была соответствовать новым общественным отношениям, обеспечивать «формирование нового человека» и нового общества. Политика и идеология обладали первенством, приоритетом по отношению к экономике, их требования были более императивны.

Как известно, первоначально большевики делили власть с левыми эсерами, выражавшими интересы крестьянства. В области аграрных отношений, с позиций большевиков, было бы логично требовать перехода собственности на землю в руки государства – так же, как собственности на банки, фабрики и заводы, – и превращения крестьян в сельскохозяйственных рабочих. Однако большевикам было ясно, что крестьянская Россия такой программы не примет. Поэтому на вооружение был взят лозунг эсеров «Земля – крестьянам», то есть земля должна была непосредственно передаваться крестьянам. И первым декретом не только политико-идеологического, но и экономического характера стал Декрет о земле, принятый 26 октября 1917 г. Он отменял частную собственность на землю, передававшуюся в ведение крестьянских земельных комитетов. Земли помещиков, монастырей, церкви конфисковывались без всякого выкупа; бывшие владельцы подлежали

выселению из своих имений. Крестьяне получили «законное право» конфисковывать и делить помещичьи земли, грабить и громить имения.

В соответствии с декретом, на базе высококультурных хозяйств, конных заводов, племенных скотоводческих хозяйств должны были создаваться показательные государственные хозяйства – совхозы, своим примером агитирующие крестьян «за социализм». Но массовая «социализация деревни» переносилась в будущее. Поздней осенью 1917 г. перед новой властью стояли иные, более важные задачи.

* * *

Советское правительство столкнулось с необходимостью немедленного решения множества экономических проблем, основными из них можно назвать хлебную, транспортную и топливную. Вместе с тем оно должно было реализовывать ранее провозглашенные революционные лозунги и программные заявления. С самого начала приоритет был отдан идеологии и политике.

Одним из первых экономических мероприятий новой власти было введение рабочего контроля, меры исключительно политической, популистской: рабочий контроль вряд ли мог улучшить работу железных дорог и угольных шахт, но его введение было важно с точки зрения сиюминутной политической конъюнктуры. Если власть перешла к рабочим, то они должны были получить еще больше прав. Лозунг рабочего контроля был выдвинут летом 1917 г. Первоначально он не имел определенного содержания. На осуществление контроля над деятельностью администрации предприятий претендовали фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) или контрольные комиссии. Общей, весьма

смутной, идеей было «покончить с самодержавием на фабриках в области экономических отношений, как революция покончила с самодержавием в области политики». С февраля по октябрь 1917 г. в России возникло 2 151 фабзавком и 306 специальных органов рабочего контроля.

Сразу же после перехода власти к большевикам был подготовлен проект декрета о рабочем контроле. Ознакомившись с ним, некоторые видные большевики заявили Ленину: «Если оставить декрет в таком виде, как вы его предлагаете, тогда каждая группа рабочих будет рассматривать его как разрешение делать все, что угодно». Председатель Совнаркома не согласился с ними: «Сейчас главное заключается в том, чтобы контроль пустить в ход... Никаких преград не нужно ставить инициативе масс». 14 ноября 1917 г. декрет о рабочем контроле был принят. На короткое время рабочие получили возможность делать все, что угодно, прежде всего – делить доставшуюся им собственность.

К середине 1918 г. структуры, осуществлявшие рабочий контроль, были созданы на 70 % предприятий с числом занятых свыше 200 человек. Декрет о рабочем контроле распространялся на все частные предприятия, в том числе – принадлежавшие иностранцам, которые безуспешно пытались протестовать. Все дипломатические ноты по этому поводу Совнаркомом отклонялись. Один из партийных деятелей тех лет чуть позже писал: «Идея рабочего контроля – сначала научиться у своего классового противника искусству вести предприятие во всех его частях: технической, административной, коммерческой, контролируя все его действия и, следовательно, наблюдая все его повадки, – эта идея была идеей, несомненно, утопической. В действительности ни капиталист не соглашался функционировать в целях обучения пролетариев

искусству управления предприятием, ни органы рабочего контроля не могли в условиях режима пролетарской диктатуры ограничиться контролем».

В действительности рабочие не столько «изучали повадки» капиталистов, сколько использовали свалившиеся на них права для удовлетворения личных и коллективных потребностей. Рабочие принимали решения о распродаже запасов сырья и продукции и распределении вырученных денег. В легкой промышленности нередко были случаи, когда фабрично-заводские комитеты и иные органы рабочего контроля самочинно раздавали продукцию рабочим фабрики или выходили с ней на рынок. В тяжелой промышленности готовую продукцию продать населению или обменять на хлеб было гораздо труднее.

По мере складывания и укрепления централизованного государственного хозяйственного аппарата органы рабочего контроля и фабзавкомы, отстаивавшие прежде всего интересы коллектива рабочих отдельного предприятия, вступали во все больший конфликт с набиравшими силу центральными структурами общехозяйственного управления. От рабочего контроля постепенно отказывались и права фабзавкомов урезались. В ноябре 1919 г. А.Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь». Делали они это с самого начала.

Рабочий контроль вводился на частных предприятиях, что создавало ситуацию хозяйственно-экономического и финансового «двоевластия». Рабочие видели в деятельности «буржуазной администрации» прежде всего «саботаж» и решительно с ним боролись. Наиболее радикальной мерой была национализация

предприятий. В первые месяцы после Октябрьского переворота она часто проводилась по инициативе рабочих, причем во многих случаях отобранные у прежних владельцев фабрики и заводы признавались собственностью тех, кто на них работал. Рабочие понимали большевистские лозунги именно так: предприятие должно принадлежать рабочим, пароход – речникам, железная дорога – железнодорожникам.

Но национализация была программным лозунгом и большевистского руководства. Уже в декабре 1917 г. Ленин предложил проект декрета, который сразу же, «одним махом», должен был национализировать все акционерные предприятия страны. Тогда эта идея поддержки не получила, а Ленин настаивать не стал. В результате национализация прошла ряд этапов.

Сразу после Октябрьского переворота были национализированы казенные (государственные) заводы и фабрики, в том числе Ижорский, Балтийский, Обуховский и некоторые другие. В ноябре–декабре 1917 г. прошла национализация ряда крупнейших частных заводов – Путиловского, Сестрорецкого, Невского, ряда заводов Урала и Донбасса.

Вскоре после переворота, как и было намечено еще в дооктябрьских работах Ленина, началась национализация банков. Первым под контроль новой власти перешел Государственный банк – центральный эмиссионный орган страны, в котором находились золотой запас и большое количество бумажных денег. Кроме Госбанка, в России было 59 коммерческих банков. В ночь на 14 ноября 1917 г. над частными банками был установлен контроль (они были заняты вооруженными отрядами), а днем того же дня был опубликован декрет, объявивший банковское дело государственной монополией. Была ограничена выдача денег частным лицам. В январе 1918 г. весь акционерный капитал

частных банков был конфискован, акции аннулированы. Все эти меры были призваны не только обеспечить деньгами новую власть, но и не дать возможность «бывшим» перевести свои капиталы за границу или использовать их для финансирования «контрреволюции». Впрочем, некоторым компаниям и предпринимателям это вполне удалось¹².

Национализация банков меняла далеко не только систему расчетно-кассовых отношений. Российские банки в своих активах имели львиную долю акций промышленных предприятий; именно через них шел приток инвестиций, обеспечивались финансовые условия для более-менее нормального воспроизводственного процесса. К концу 1917 г. российские банки, как показывают последние исследования, контролировались преимущественно отечественным финансовым капиталом, однако связи с зарубежными банками (прежде всего – французскими) и их доли в собственном капитале и пассивах оставались весьма высокими.

Декрет о национализации банков не распространялся на кредитную кооперацию, обслуживавшую преимущественно деревню. В октябре 1917 г. в России имелось свыше 12 тыс. кредитных и свыше 4 тыс. ссудно-сберегательных товариществ во главе с Московским народным кооперативным банком. По мнению большевиков, руководство этого банка оказалось «эсеро-меньшевистским». В декабре 1918 г. Московский кооперативный банк был национализирован.

В конце января 1918 г. был издан декрет о национализации торгового флота.

Между тем продолжалась национализация промышленных предприятий. В конце 1917 г. у прежних собственников было отчуждено около 300 предприятий, с января по март 1918 г. – более 500, с апреля по июнь – более 1 200.

В январе 1918 г. в Петрограде родилась идея организации «народных нефтяных промыслов», обсуждавшаяся на заседании Совнаркома. Но дальше красивого названия дело не пошло, «народные нефтяные промыслы» не создавались. Проще было национализировать уже существовавшие промыслы.

Декретом от 22 апреля 1918 г. объявлялась национализированной вся внешняя торговля. Отныне право на проведение любых внешнеторговых операций принадлежало только государству.

В мае 1918 г. Ленин в статье, опубликованной тогда же в «Правде», написал: «Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что больше нана национализировали и наконфисковали, навалили и наломали, чем успели подсчитать». Тем не менее остановить массовую национализацию не удалось. От национализации отдельных фирм переходили к национализации целых отраслей.

В начале июня была национализирована нефтяная промышленность – первая отрасль промышленности, предприятия которой были национализированы все сразу, целиком и без всякого выкупа¹³.

Декретом от 10 июня 1918 г. были национализированы все предприятия обществ частных железных дорог и подъездных путей.

28 июня 1918 г. Совнарком издал декрет «О всеобщей национализации», начинавшийся словами: «В целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и деревенской бедноты, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Объявить собственностью Российской

Социалистической Федеративной Советской Республики нижеуказанные расположенные в пределах Советской Республики промышленные и торгово-промышленные предприятия со всеми их капиталами и имуществами, в чем бы таковые ни заключались...».

Национализированные предприятия управлялись коллегиально, большинство мест в их правлениях предоставлялось выборным представителям рабочих данного предприятия. Были и такие случаи, что все административные должности замещались представителями рабочих, избираемыми на профсоюзных собраниях. В 1918 г. коллегиальное управление существовало на 96,5 % предприятий.

Процесс национализации в июне 1918 г. не закончился. В ноябре 1918 г. декретом Совнаркома были упразднены еще оставшиеся частные торговые предприятия. Так, в Твери в 1918 г. было закрыто около тысячи частных магазинов и при этом открыто всего 52 советских.

Прежние собственники лишились не только земли, фабрик, заводов, акций, но и права получить обратно средства, предоставленные в долг прежним российским правительствам. В январе 1918 г. был издан декрет об аннулировании «всех государственных займов, заключенных правительствами российских помещиков и российской буржуазии». Общая величина внешнего и внутреннего государственного долга достигла 60 млрд руб. Величина внешнего долга составляла в то время 16 млрд руб. золотом – очень большую величину, приблизительно равную объему годового валового национального продукта России перед войной.

Одновременно с этим аннулировались также правительственные гарантии по займам различных предприятий и учреждений.

С января 1918 г. были приостановлены платежи по

купонам и дивидендам и запрещены сделки с акциями и ценными бумагами.

В феврале 1918 г. дипломатический корпус обратился в Наркоминдел со следующей нотой: «Все союзные и нейтральные послы и посланники, аккредитованные в Петрограде, настоящим извещают Комиссариат по иностранным делам, что они рассматривают все декреты рабочего и крестьянского правительства об аннулировании государственных долгов, о конфискации собственности и т.д., поскольку они касаются иностранных подданных, как несуществующие». Представителям стран Антанты и нейтральных держав ничего добиться не удалось. Однако Брестский мир предусматривал выплату компенсации германским владельцам ценных бумаг, выпущенных в дореволюционной России.

Еще одним новшеством в отношении собственности стала отмена права наследования, последовавшая в апреле 1918 г.

На небольшевистских территориях акты национализации отменялись. В Самаре 8 июня 1918 г., после захвата города чехами, был создан Комитет членов Учредительного собрания – Комуч. Он возвращал бывшим владельцам национализированные предприятия, денационализировал банки, разрешил свободу частной торговли. 28 июня 1918 г. было принято постановление Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства «О денационализации предприятий», гласившее, что «национализированные советскими властями и захваченные предприятия... подлежат возвращению их прежним владельцам или их правопреемникам». Аналогичную политику проводили и другие антибольшевистские правительства: в Азербайджане мусаватистское правительство уже в 1918 г. денационализировало бакинскую нефтяную

промышленность, в Донбассе в 1919 г. правительство Деникина вернуло прежним владельцам угольные шахты.

Бежавшие от большевистской власти банкиры создавали на подконтрольных белым правительствам территориях России новые банки и активизировали кредитование внешней торговли и спекулятивные операции на падении курса рубля¹⁴. Так, братья Рябушинские создали целый ряд новых банков сначала на Украине – Юго-Центральный банк в Киеве и Харькове, – а потом Таврический банк в Ялте и Севастополе, Черноморский банк в Ростове и Екатеринодаре. Группа Стахеева создала Доно-Кубанский банк и экспортно-импортное товарищество.

* * *

Слом прежнего государственного аппарата был политическим лозунгом, провозглашенным Лениным еще до октября 1917 г. Но государство – не только орган насилия, но и экономический центр страны. Без государственного регулирования хозяйственная жизнь существовать не могла.

В первые недели и даже месяцы после переворота работали некоторые прежние органы, регулировавшие хозяйственные отношения. Так, в центре, в Петрограде, Особое совещание по топливу (Осотоп) работало до декабря 1917 г., а в Баку Совет съездов нефтепромышленников оставался основным органом, реально регулировавшим хозяйственные связи нефтяных компаний вплоть до весны 1918 г.

На местах продолжали действовать различные органы, участвовавшие в регулировании тех или иных аспектов хозяйственной жизни: земства, городские думы, комитеты, союзы и т.д.

Вместе с тем с первых недель большевистской

власти создавалась новая система централизованного управления экономикой. Еще Временное правительство в конце лета 1917 г. учредило Главный экономический комитет, призванный стать регулирующим центром для всей экономической жизни страны. Преемником этого органа при новой власти стал Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), учрежденный декретом от 2 декабря 1917 г. В состав ВСНХ вошли Всероссийский совет рабочего контроля, Центральный совет фабрично-заводских комитетов и представители отраслевых профсоюзов. В губерниях действовали губсовнархозы. Первоначально проводилась политика привлечения рабочих в органы хозяйственного управления, получившая название «орбочения». На долю рабочих приходилось свыше половины от общей численности аппарата управления в президиумах ВСНХ и губсовнархозов.

В 1918–1921 гг. существовала система управления промышленностью через так называемые главки, осуществлявшие руководство производственным процессом, отвечавшим за материально-техническое снабжение, сбыт, финансирование и другие вопросы. Главки входили в ВСНХ и были организованы по отраслевому принципу. Первым главком стала «Главкожа», организованная в январе 1918 г. на базе дореволюционного Главного комитета по кожевенным делам; в реорганизованной «Главкоже» две трети мест были предоставлены «революционным» рабочим, а треть – «буржуазным специалистам». Затем были организованы «Центротекстиль» (в феврале 1918 г.), а вслед за ним – «Главзолото», «Главсахар», «Центрочай», «Центромыло», «Главспичка», «Главнефть», «Главуголь» и другие. К концу 1920 г. в ВСНХ входило 52 главка.

Жестко централизованная вертикаль управления создавалась не сразу. В начале 1918 г. принцип единства

управления был нарушен даже на железнодорожном транспорте. В центре наряду с Наркоматом путей сообщения на общее руководство железными дорогами претендовал Викжедор, выразивший интересы самих железнодорожников, среди которых был популярен лозунг «Железные дороги – железнодорожникам». На отдельных железных дорогах на руководство одновременно претендовали несколько структур: например, главный комиссар дороги, председатель главного революционного комитета и главный администратор – технический руководитель дороги.

В феврале–марте 1918 г. были приняты декреты Совнаркома, в которых говорилось, что единственным органом, руководящим делом транспорта, является НКПС, а вся полнота власти принадлежит наркому.

* * *

Большевики получили в наследство от прежней власти весьма расстроенную финансовую и налоговую систему; после переворота налоговые платежи почти не поступали.

Помогло то, что на первых порах новую власть поддержали немцы.

В ноябре 1917 г. германское правительство открыло тайное финансирование Совнаркому, выделив ему 15 млн марок¹⁵. Деньги, переданные в декабре в швейцарской валюте, помогли новому правительству как-то справиться с полным отсутствием финансовых средств. Если в Петрограде правительство могло использовать финансовые ресурсы Государственного банка, то гораздо труднее было органам Советской власти на местах, в провинции.

Но выход был найден.

В декабре 1917 г. Совнарком предоставил право

местным советам «взыскивать, что можно, путем контрибуций со своей местной буржуазии». К февралю 1918 г. единовременные «налоги на буржуазию» были введены во многих городах – Екатеринбурге, Саратове, Самаре, Севастополе и других.

Контрибуции вводились и на селе. С ноября 1917 по ноябрь 1918 гг. в деревнях было собрано около 18 млн руб. «контрибуций»; их размер сильно колебался от местности к местности.

Взимание контрибуций сопровождалось насилием и нарушением собственных установок Советской власти (в данном случае о законности говорить трудно): в ряде случаев контрибуциями облагались все население, «контрибуции» вимались дровами или иными товарами, которые позже продавались, а средства шли лично «контрибуторам». Всего до ноября 1918 г. с города и с деревни было собрано 826,5 млн руб. «контрибуций». Однако, по оценке Ленина, у населения в это время было приблизительно 60 млрд руб.

В центре полагали, что местные органы власти вимали налоги и контрибуции с населения, не считаясь с тем, что необходимо что-нибудь оставить на долю центрального аппарата. Чтобы упорядочить налогообложение «паразитических и контрреволюционных элементов», в конце октября 1918 г. был введен «единовременный чрезвычайный революционный налог» на «имущие группы городского и сельского населения» в сумме 10 млрд руб. В связи с ростом цен реальные сборы этого налога далеко превысили первоначально установленную сумму, поступления от него составили к концу 1920 г. 1 627,7 млрд руб. Раскладка налога по губерниям была задана декретом (при этом половина суммы, то есть 5 млрд руб., приходилась на Москву, Петроград, Московскую и Петроградскую губернии), а распределение налога по

отдельным плательщикам было произвольным.

Тем не менее основным источником финансовых ресурсов государственного бюджета оставалась эмиссия.

В условиях стремительной инфляции бумажных денег остро их не хватало. Разменная серебряная монета исчезла из обращения уже к лету 1915 г., к началу 1916 г. исчезла и медная монета. Вместо них стали выпускать разменные марки и мелкие казначейские знаки.

В 1918 г. в качестве денег использовались дореволюционные денежные знаки и различные денежные суррогаты.

Деньги, выпущенные царским правительством («николаевки»), ценились выше, чем деньги Временного правительства – «керенки» (достоинством в 20 и 40 руб.) и «думские деньги» (достоинством в 250 и 1000 руб.). В обращение были введены облигации царских государственных займов военного времени¹⁶ и выпущенного Временным правительством «Займа свободы».

Еще при Керенском в Пензе была оборудована новая типография для печатания денег, подготовлены матрицы, специальная бумага и краски. На этой базе большевистское правительство выпустило государственных кредитных билетов на сумму в несколько миллиардов рублей.

На купюрах, имевших изображение двуглавого орла, стояла подпись управляющего Госбанком видного большевика Г. Пятакова, поэтому напечатанные в 1918 г. в Пензе денежные знаки называли «пятакотками» или «пензенками».

1918 г. в стране появилось более 60 всевозможных «правительств», каждое из которых печатало свои собственные деньги. Печатный станок стал основным источником средств для оплаты военных расходов у белых, как и у красных; естественно, что деньги

непрерывно обесценивались.

Всего за годы Гражданской войны было выпущено несколько сот образцов бумажных денег. Наряду с Советским правительством в Москве, деньги выпускали правительства Дальневосточной Республики, Украины, Азербайджана (мусаватистского и советского, свои деньги выпускала Бакинская коммуна в 1918 г.), Армении, Закаспийское временное правительство в Ашхабаде, Комуч, Сибирское временное правительство (до Колчака и при нем), казачьи правительства Дона и Кубани, правительства генералов Деникина, Юденича и Врангеля, атаманы Дутов и Семенов¹⁷.

Денежные знаки выпускались в Астрахани, Армавире, Баку, Верном, Владикавказе, Екатеринбурге, Екатеринодаре, Ижевске, Казани, Калуге, Кашине (!), Киеве, Одессе, Оренбурге, Пензе, Пятигорске, Ростове, Ташкенте, Тифлисе, Царицыне, Хабаровске. В 1919 г. собственные денежные знаки с изображением своей персоны выпустил некий Петр Николаевич Симада, владелец магазина в Николаевске-на-Амуре.

Эмиссию денежных знаков осуществляли не только российские правительственные (или считавшие себя таковыми) структуры, юридические и физические лица. К числу эмитентов присоединились и нерезиденты (иностранцы). Так, в декабре 1918 г. собственные денежные знаки для территории российского Дальнего Востока и Сибири попытались объединенными усилиями выпустить три банка с японским капиталом¹⁸. А в 1919 г., уже в одиночку, японский Гонконг-Шанхайский банк приступил к выпуску бон, курс которых был «привязан» к курсу японской иены.

Ходившие тогда в Советской России денежные знаки можно было обменять на иностранные; например, на подпольной валютной бирже, располагавшейся на Ильинке в Москве. Те, очень немногие, у кого денежных

знаков различных образцов накапливалось достаточное количество, так и делали.

* * *

Тесные отношения большевиков с кайзеровской Германией принесли гораздо больше экономических потерь, чем приобретений.

Уже в феврале 1918 г., во время наступления немцев, в их руки попало 3 тыс. исправных паровозов (причем в прифронтовой полосе находились лучшие паровозы).

Экономические статьи Брестского мирного договора и протоколы к нему устанавливали совсем не симметричные экономические отношения России и Германии: поставки продукции должны были идти по улице с односторонним движением – в Германию.

Наряду с сельскохозяйственными товарами особое значение для немцев имела нефть. Советское правительство обязывалось предоставить Германии четвертую часть добываемой в Баку нефти и нефтепродуктов при условии, что немцы предотвратят поход турецкой армии на Баку. Предотвратить турецкое наступление немцы не смогли и ожидаемых объемов нефти не получили, но получили многое другое. Немцам отдавалась Украина, откуда шли в Германию хлеб и уголь, другие товары. Правительство гетмана П.П. Скоропадского по соглашению с Германией даже установило на Украине хлебную монополию, призванную прежде всего обеспечить поставки хлеба в Германию. Вскоре после того как Германия проиграла войну, правительство Шейдемана разорвало дипломатические и торговые отношения с Советской Россией. К этому моменту почти прекратились и экономические связи со странами Антанты.

1 октября 1918 г. правительство Великобритании отдало распоряжение о прекращении экспорта в Советскую Россию.

Больше всего от манипулирования прежними долгами пострадали французские деловые круги, поэтому правительство Франции выступало за самую решительную и жесткую экономическую блокаду Советской России.

Чуть лучше были отношения с Англией: уже в 1918 г. удалось закупить в Англии металлоизделия, уголь, хлопок, некоторые другие товары.

Переговоры об экономическом сотрудничестве с США велись даже в первой половине 1918 г. Американцам предлагали в долгосрочную концессию всю Камчатку, причем консул США даже пытался обсудить в ВСНХ детали такой сделки. В феврале 1919 г. в Совнаркоме возникла совершенно фантастическая идея: предложить иностранцам построить и эксплуатировать на правах концессии Великий северный железнодорожный путь.

В 1919 г. объем экспорта из России был примерно в тысячу раз меньше, чем в 1913 г. 10 октября 1919 г. страны Антанты и США официально объявили блокаду Советской России и призвали присоединиться к ней другие государства. Прошло три месяца, и 16 января 1920 г. Верховный Совет Антанты принял решение о прекращении экономической блокады России. Внешняя торговля стала оживать, начались переговоры с зарубежными предпринимателями о концессиях.

На Западе плохо представляли себе положение дел в России, и потому никто не верил в стабильность советского режима. По-прежнему продавались и покупались акции российских компаний, даже учреждались новые фирмы для эксплуатации российских богатств. В 1920 г., в апреле, когда Грозный уже был взят

Красной армией, в Париже была основана новая акционерная компания, которая «приобрела» нефтяные участки у тех, кто владел ими до национализации. Еще одно акционерное общество, собиравшееся качать нефть в Грозном, было основано в Антверпене. Новая франко-бельгийская компания получила акции фирм, добывавших нефть на Эмбе.

В июле 1920 г. Баку уже был советским, тем не менее Нобель продал свои акции американской компании «Стандарт Ойл».

От единичных сделок Советская Россия переходила к договорам о торговле. С Англией такой договор был заключен 16 марта 1921 г., на следующий день после речи Ленина на X съезде РКП(б), где провозглашался переход к новой экономической политике. Затем, 2 ноября 1921 г., последовал торговый договор с Норвегией, 26 декабря 1921 г. – с Италией, 16 апреля 1922 г. – с Германией.

С самых первых лет Советской власти началось предоставление экономической помощи «борцам с империализмом» в других странах. Уже в 1920 г. такую помощь запросил «революционный турецкий генерал» Мустафа Кемаль, сформировавший в Анкаре правительство, противопоставившее себя «антинародному правительству султана» в Константинополе; своих министров по советскому образцу он назвал «народными комиссарами», а помощь ему была нужна прежде всего для войны с Грецией и укрепления собственной политической власти. Почти все запрашиваемое Кемаль в Москве получил, однако политических дивидендов для большевистского руководства не последовало. Сразу после победы над Грецией в Турции были перебиты все коммунисты и запрещены любые «левые» политические организации.

* * *

В 1918 г. всякие хозяйственные связи центра разрывались не только со странами Антанты, но и с теми частями России, которые не находились под властью большевиков.

Хозяйственное положение в отдельных районах разительно отличалось. Так, весной 1918 г. пуд зерна в городах советской Европейской России стоил 150–200 руб., за Уралом в городах – 15–20 руб., а в деревнях – всего 6–7 руб.

Еще в апреле 1918 г. половина хлеба, полученного Московской областью (куда входило несколько губерний Центра России), поступила из губерний, не контролировавшихся большевиками. Но когда летом 1918 г. советскими продовольственными органами была предпринята попытка получить хлеб из Сибири в обмен на промышленные товары (такой договор был заключен с Временным Сибирским правительством), этот договор не был утвержден в Москве, а заключившая его продовольственная управа ликвидирована.

Чуть позже Временное Сибирское правительство предложило обеспечить быструю непрерывную поставку продовольствия в голодающие центры России в обмен на отказ от попыток вооруженного вторжения Красной армии в Зауралье. И снова последовал отказ Москвы.

Самарский Комуч в начале июля 1918 г. предложил большевикам свободный доступ для закупки хлеба. И этим предложением Москва не воспользовалась.

Разрывались экономические связи не только центра с окраинами, но и соседних регионов, если они находились под властью разных правительств, даже не воевавших друг с другом. Еще в феврале 1918 г. нефть из Баку вывозилась в Закавказье (правда, в количестве в 5,5 раз меньшем, чем в феврале 1917 г.), но к концу апреля

эти поставки почти прекратились¹⁹.

Позже экономические связи между отдельными частями России не допускали ни большевики, ни их противники.

Формально независимый Азербайджан (фактически он контролировался англичанами) отнюдь не находился в состоянии войны с Советской Россией; в Азербайджане продолжали добывать нефть, все нефтяные резервуары уже в 1919 г. были переполнены, нефтепромышленники готовы были продавать нефть России, Москва готова была ее покупать, но английское оккупационное командование разрешение на такую торговлю не давало. Мизерные количества нефти и нефтепродуктов вывозились в Астрахань нелегально, на рыбацких лодках и шхунах²⁰.

Экономических связей с Закавказьем не было не только у большевиков, их практически не было и у белых на юге России – у правительства Деникина, а затем Врангеля. И друг с другом три закавказские республики, претендовавшие на территории друг друга и вступавшие на этой почве в вооруженные конфликты, почти не торговали.

* * *

В первые месяцы большевистской власти снабжение населения продовольствием становилось все хуже и хуже. Хлеб у крестьян был, но они не желали расставаться с ним за бесценок. В 1917 г. объем валовой продукции сельского хозяйства составлял 92,5 % к уровню 1913 г. Вполне достаточно, чтобы накормить все население, но при отсутствии нормальных хозяйственных связей крестьяне предпочитали гнать из зерна самогон.

В конце октября – начале ноября 1917 г. поставки

продовольствия на фронт и в столицы упали в 3–4 раза по сравнению с первой половиной октября. В январе 1918 г. в армии, Петрограде, Москве, других городах начался настоящий голод. Рыночные цены на хлеб все больше отрывались от «твердых», установленных властями. Крестьяне готовы были продавать хлеб по рыночным ценам, но отказывались сдавать его представителям государственной власти.

Чтобы выйти из трудного положения, в конце февраля – начале марта Ленин предложил проект декрета, согласно которому крестьяне, не сдавшие в срок своей продразверстки, должны были расстреливаться. Другие члены большевистского руководства это предложение не поддержали, и проект был отвергнут. Попробовали пойти по другому пути: в марте 1918 г. Совнарком принял декрет о товарообмене. Тогда в руках большевиков находилось большое количество промышленных товаров. По расчетам Наркомпрода, даже части их было достаточно, чтобы выменять у деревни значительную долю прошлогоднего урожая. Сделать этого не удалось, так как товары или были разворованы, или не дошли до крестьян из-за неорганизованности и бесхозяйственности.

В марте–мае 1918 г. Советы целого ряда губерний (Самарской, Симбирской, Вятской, Казанской, Тамбовской и других) приняли постановления об отмене старых «твердых» цен на хлеб и фактически восстановили свободную торговлю. Таким образом, на местах принимались решения, открыто противостоявшие большевистской Москве. Чтобы воспрепятствовать местной политике, декретом от 27 мая 1918 г. устанавливалось подчинение всех губернских и уездных продовольственных органов не местным Советам, а непосредственно наркому продовольствия.

13 мая 1918 г. был опубликован декрет о

продовольственной диктатуре, один из пунктов которого гласил: «Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозивших их на ссыпные пункты, а также всех расточающих хлебные запасы на самогонку врагами народа, предавать Революционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из своей общины, а самогонщиков – сверх того к принудительным общественным работам».

4 июня 1918 г. Троцкий провозгласил: «Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война уперлась в хлеб... Да здравствует гражданская война»²¹.

11 июня 1918 г. последовал декрет об организации комитетов деревенской бедноты, расколовший деревню, спровоцировавший обострение социальных конфликтов, подтолкнувший страну к полномасштабной Гражданской войне на всей территории. К октябрю 1918 г. действовало до 40 тыс. комбедов.

Комитеты бедноты отбирали у зажиточных крестьян не только хлеб, но и землю. Всего у «кулаков» комбедами было изъято до 50 млн десятин, больше, чем у помещиков после октября 1917 г. Вполне понятна реакция на это самих «кулаков», миллионов более-менее «справных» крестьян.

Осенью 1918 г. Ю. Ларин определил основной состав «пролетарских элементов, организующихся в комитеты бедноты»: «сотни тысяч выселившихся в деревни городских рабочих, сотни тысяч не ушедших в обычные отхожие промыслы и сотни тысяч бывших помещичьих земледельческих рабочих, успевших разочароваться в возможности построить свое благополучие на одной “социализации земли”». В общем, настоящие крестьяне ни в одну из категорий не попали.

Урожай 1918 г. опять был неплохим, примерно таким же, как в 1917 г., но снабжение хлебом советских

городов не улучшалось.

11 января 1919 г. СНК принял декрет «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства». В декабре 1919 г. продразверстка была распространена на картофель, в 1920 г. – на молоко и молочные продукты, домашнюю птицу, яйца, мед и другие сельхозпродукты. Разверстка означала, что продукты у крестьян забирали на безэквивалентной основе, то есть ничего не давали им взамен²². В ноябре 1919 г. В.И. Ленин писал: «Вот тот крестьянин, который дал в 1918–1919 году голодным рабочим городов 40 миллионов пудов хлеба по твердым, государственным ценам, в руки государственных органов... вот этот крестьянин есть крестьянин трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего... А вот тот крестьянин, который продал из-под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене вдесятеро более высокой, чем государственная, ... надувая государство, ... вот этот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть враг рабочего, есть эксплуататор».

Те «твердые цены», которые Советская власть установила на хлеб, забираемый у крестьян, в 1920 г. составляли около 1 % от «вольных цен».

В первые месяцы власти Совнаркома, как и при Временном правительстве, продукты отпускались всем гражданам по одинаковым карточкам, по одним и тем же нормам. В июле 1918 г. было решено ввести так называемый классовый паек: нормы выдачи стали зависеть от классовой принадлежности едока. Население было поделено на 4 категории: 1) занятые особенно тяжелым физическим трудом; 2) занятые обыкновенным физическим трудом; больные, дети; 3) служащие, представители свободных профессий, члены семей рабочих и служащих; 4) владельцы различных

предприятий, торговцы, не занимающиеся личным трудом и т.п. К сентябрю были установлены пропорции выдачи продовольствия: для Москвы – 4 : 3 : 2 : 1, для Петрограда – 8 : 4 : 2 : 1. Реально гражданам «4-й категории» продукты практически не выдавались.

В 1919 г. журнал «Народное хозяйство» (№ 11-12. С. 927) так характеризовал сложившуюся систему карточного распределения: «Основной принцип, по которому производится распределение, общеизвестен: это – принцип классового пайка».

Потребление пищевых продуктов резко упало. Если не считать партийной элиты, в наилучшем положении были рабочие, которым давались карточки 1-й категории. В декабре 1919 г. дневной рацион рабочих состоял из 300 г хлеба, 200 г муки, 600 г картофеля, 150 г крупы. Среднее дневное потребление мяса и сахара было около 20 г, жиров (всех видов) – около 10 г. И это практически все.

Но городское население включало не только рабочих; другие группы потребляли продуктов гораздо меньше. В 1919 г. годовое потребление хлеба на одного человека в «недостаточных» губерниях (то есть с низкими урожаями) составляло всего 7,6 пуд., а в лучших (по урожаю) губерниях – 10,6 пуд. (170 кг, по полкило в день).

В начале ноября 1919 г. было решено разделить население городов и промышленных центров несколько иначе, на сей раз выделив три продовольственные категории. К 1-й были отнесены рабочие, занятые физическим трудом; ко второй – все прочее «трудовое население» (служащие, кустари, ремесленники, учащиеся, дети до 16 лет, несовершеннолетние члены семей лиц 1-й и 2-й категорий); к 3-й – лица, живущие на нетрудовые доходы, и прочие, не отнесенные к первым двум категориям. Нормы снабжения лиц этих трех

категорий должны были относиться между собой как 3 : 2 : 1.

Помимо общих, существовали еще особые пайки. Самым массовым из них был «красноармейский». Его получали не только бойцы Красной армии. Во второй половине 1918 г. на красноармейский паек были переведены 247 тыс. рабочих оборонных предприятий Центральной России. Красноармейская карточка была чуть «больше», чем для занятых физическим трудом. В 1919 г. она позволяла получить (за месяц): хлеба ржаного – 34,5 фунта, крупы – 3,25 фунта, картофеля – 6,66 фунта, сельдей и рыбы – 2,66 фунта, капусты – 2,0 фунта, сахара – 1,7 фунта, постного масла – 0,5 фунта, овощей – 0,16 фунта, сала – 0,41 фунта, соли – 0,64 фунта, яиц – 2 штуки на 3 месяца, чая – 0,07 фунта²³.

Распределение по карточкам вместо заработной платы виделось большевикам не временной вынужденной мерой, а принципиальным достижением нового общественного строя. Заработная плата (особенно сдельная, размер которой зависел от количества и качества труда) считалась явлением «буржуазным».

На II съезде Советов народного хозяйства (декабрь 1918 г.) один из докладчиков сказал: «Нашим идеалом является уничтожение заработной платы как формы оплаты труда, свойственной капиталистическому строю». Ему вторил Н.И. Бухарин: «При системе пролетарской диктатуры рабочий получает общественно-трудовой паек, а не заработную плату».

Продовольствие рабочим выдавало не то предприятие, где они трудились, а структуры Наркомпрода, настаивавшие, чтобы предприятия «никаких премий, никому, нигде, ни при каких условиях не выдавали». Весной 1918 г. А. Лозовский заявлял: «Нет необходимости доказывать, что система премий – это самая худшая форма оплаты труда, ибо она рассчитана на

худшие инстинкты рабочих, истощает рабочий организм и вносит раскол в единую пролетарскую семью».

В годы Гражданской войны премии на советских предприятиях все-таки существовали, но в 1919 г. весь дополнительный заработок рабочего (сверх тарифной ставки) не мог превышать 50 %, в 1920 г. – 100 %. В апреле 1921 г., в условиях колоссального обесценения рубля, Совнарком отменил эти ограничения.

Уже весной 1918 г. распределение благ далеко выходило за рамки уравнилельного. Тогда в Наркомате по продовольствию, как и в других учреждениях, также был создан кооператив сотрудников. 25 апреля 1918 г. руководство этого кооператива обратилось к своему наркому с просьбой: «Правление Кооператива сотрудников всероссийского Народного комиссариата по продовольствию просит Народного комиссара разрешить отпустить для кооператива необходимые продукты, как-то: окорока, колбасы, консервы, птицу, рыбу и пр.». О хлебе и крупе речь не шла. 30 апреля того же года в новый список самых необходимых продуктов была добавлена «битая птица».

16 сентября 1918 г. месячный оклад содержания наркому продовольствия был установлен в 1 000 руб., столько же – членам коллегии наркомата, начальникам управлений и отделов, счетоводам – 720 руб., вахтерам – 610 руб., телефонисткам – 555 руб. Но в условиях пайкового распределения это ничего не значило: суммы, которые приходилось отдавать за пайки, были совершенно условными.

Резкое неравенство проявлялось не только в потреблении продуктов питания. 20 декабря 1918 г. был издан декрет об упразднении деления пассажирских вагонов на классы и об установлении единого пассажирского тарифа. Это отнюдь не означало, что большевистские руководители стали ездить в тех

вагонах, в каких придется. Наоборот.

22 января 1919 г. В.И. Невский от имени НКПС докладывал ВЦИКу: «В течение месяца мы дали 250 экстренных поездов... Пассажирские вагоны очень плохи. Они не отапливаются, и рабочий народ и беднейшее население – крестьянство – лежат на полу на станциях в ожидании поезда, ютятся в теплушках, в то время как некоторые товарищи разъезжают в лучших вагонах, число которых достигает 652, из них 60 салонных...»

Государство было не в состоянии снабдить горожан практически бесплатным хлебом. Поэтому наряду с карточным снабжением все годы войны действовал и «вольный рынок» продовольствия. В Москве таким рынком была Сухаревка. Имя «Сухаревка» приобрело тогда собирательное значение децентрализованного снабжения, осуществлявшегося мешочниками – теми, кто в мешках вез из деревни хлеб и иные продукты²⁴. Современник тех событий писал: «Мешочники сотнями являлись на хлебные станции, переполняли все поезда. Приходилось для уборки их высылать порожние поезда, так как иначе ни одного поезда отправить было невозможно: переполнение вагонов мешочниками было так велико, что проседали рессоры и вагоны нельзя было передвинуть».

Доля «вольного рынка» в ежедневном потреблении хлеба жителями Москвы в июле–сентябре 1918 г. равнялась 91 %, в октябре–декабре – 71 %. В августе 1919 г. московские рабочие 63,9 % хлеба покупали на «вольном рынке» и 36,1 % получали в виде пайков. Известны данные своеобразного обследования, проведенного в начале 1918 г.: из примерно 1 000 мешочников, задержанных на одном из вокзалов Москвы, лишь 13 % везли муку для своих семей, 15 % собирались заниматься самореализацией, продавая муку случайным прохожим, еще 10 % намеревались

перепродать продукты лотковым торговцам и харчевням, а 60 % выполняли заказы владельцев магазинов, ресторанов и кондитерских.

В 1919 г. В.А. Базаров, находившийся тогда в оппозиции, даже делал парадоксальный вывод, что именно мешочники и спекулянты являются подлинной социальной базой большевистского режима, поскольку именно в этих условиях дела их идут в гору.

Карточное распределение сопровождалось колоссальными хищениями: органы продовольственного снабжения «отоваривали» миллионы карточек на несуществующих едоков. В июне 1918 г. в Петрограде были распределены карточки на 1 952 тыс. едоков, а реальных жителей было меньше, по крайней мере, на 483 тыс. человек, то есть примерно на 33 %. По России в целом (на территории, контролируемой большевиками) в 1920 г. «мертвых продовольственных душ», получавших пайки Наркомпрода, было не менее 9,6 млн человек.

Весьма велика была доля «внезаконных доходов» у всех слоев населения. У рабочих по большевистской России в целом на «внезаконные» приходилось 14,3 % всех доходов в 1918 г., 20,0 % – в 1919 г., 20,0 % – в 1920 г., 19,7 % – в 1921 г., 11,4 % – в первой половине 1922 г.

Хлеба в городах все равно не хватало, потребление продуктов питания рабочими в 1918–1921 гг. составляло приблизительно 2/3 довоенного (по калорийности), поэтому численность городского населения, включая пролетариат, постоянно сокращалась: люди переезжали в деревню, где прожить было легче.

На работающих фабриках и заводах к 1 января 1920 г. числилось 850–900 тыс. рабочих, то есть примерно втрое меньше, чем перед войной. Из 250 тыс. рабочих-металлистов, имевшихся на предприятиях

Петрограда в начале 1917 г., к январю 1919 г. осталось лишь 55 тыс.

Вследствие голода менялась психология людей. Писатель М. Пришвин называл существование в те годы «растительной жизнью», отмечая, что дух устремлялся только на материальное.

* * *

Совершенно иная продовольственная и аграрная политика проводилась на несоветских территориях. И она давала иные результаты. На территориях, контролировавшихся белыми, голода не было, в магазинах и на рынках имелись в изобилии самые разнообразные продукты. Почти повсеместно продовольственная монополия государства была отменена.

Одним из первых разрешил свободную закупку хлеба на территории Оренбургского казачьего войска его атаман А.И. Дутов. Он сделал это в октябре 1917 г., считая, что иначе невозможно наладить продовольственное снабжение армейских частей и населения.

Самарский Комуч летом 1918 г. также отменил твердые цены и организовал закупку продовольствия через кооперативы и продовольственную управу. Уфимское государственное совещание чуть позже следующим образом определяло свою программу: «В сфере продовольственной политики – отказ от хлебной монополии и твердых цен, с сохранением нормировки распределения продуктов, имеющихся в недостаточном количестве. Государственные заготовки при участии частноторгового и кооперативного аппарата».

В Сибири хлебная монополия была ликвидирована в августе 1918 г. С апреля 1918 г. по

апрель 1919 г. в Сибири цены на продукты животноводства выросли всего в 2 раза, продукты полеводства – в 3,5 раза.

10 декабря 1918 г. Российское (Омское) правительство А.В. Колчака отменило существовавшее до этого времени государственное регулирование хлебной, мясной и масляной торговли, провозгласив, что «торговля соответствующими продуктами в пределах Российского государства производится свободно по вольным ценам». Та же политика проводилась на территориях, контролируемых войсками А.И. Деникина²⁵. Белые отменили хлебную монополию, но вагоны под погрузку хлеба выдавались только с разрешения правительства, что создавало мощный рычаг регулирования хлебного рынка.

Для снабжения армии деникинское правительство ввело «военный сбор» – обязательную поставку 5 пуд. зерна или зернофуража с каждой заселенной десятины. Закупочные цены на такой хлеб были ниже рыночных в 5–10 раз²⁶. Лишь «под самый занавес», в июне 1920 г. правительство Врангеля объявило полную свободу торговли, что сразу вызвало взрыв спекуляции перекупщиков²⁷.

На несоветских территориях стремительно развивалась потребительская кооперация. К концу 1918 г. в Донской области насчитывалось 11 союзов потребительских кооперативов; примерно таким же было положение в Сибири.

Белые правительства стремились не обострять отношения с крестьянами. Проекты, предлагавшие возврат «захваченных» крестьянами земель помещикам (например, выдвинутый в июле 1919 г. проект деникинского министра земледелия В.В. Колокольцева), отклонялись²⁸.

Омское правительство в марте 1919 г. издало

закон «Об обращении во временное заведывание государства всех частновладельческих земель, захваченных крестьянами». По этому закону крестьяне-«захватчики» получали статус арендаторов казенных земель, а собранный урожай считался их собственностью. В начале 1919 г. оно декларировало, что крупное частновладельческое землевладение «отжило свой век и... должно уступить свое место крестьянству, без опоры на которое немыслимо никакое будущее российского государства». Предполагалось создание такой опоры в виде «крепких мелких трудовых крестьянских хозяйств, владеющих землей на праве частной собственности и свободных от принудительной опеки общины».

В мае 1920 г. П.Н. Врангель издал закон, в соответствии с которым все земельные угодья оставались в «распоряжении обрабатывающих их хозяев», независимо от того, на каком праве это «распоряжение» основано. Земли закреплялись в полную собственность крестьян после выплаты государству ежегодно, в течение 25 лет, одной пятой части среднего для данной местности урожая зерновых²⁹.

В условиях войны антибольшевистские власти никак не могли проводить политику невмешательства в экономику. Правительствам были нужны финансовые ресурсы, просто печатать деньги для этого было недостаточно. Союзники требовали платить за поставку оружия золотом или твердой валютой. Правда, английское правительство отпустило 70-миллионный кредит белым в целях субсидирования борьбы с Советской властью³⁰, но другие страны Антанты такого кредита не предоставили. США, дав правительству Колчака кредит в размере 262 млн долл., поставляли винтовки, пулеметы и патроны, но для финансового обеспечения поставок и займов Колчак выделил США 2

118 пуд. золота. Кроме того, 2 883 пуд. золота было предоставлено Англии, 1 125 пуд. – Франции, 2 672 пуд. – Японии.

За любую помощь союзников белым правительствам приходилось платить – либо немедленно, либо попадая в экономическую зависимость. Так, французы в январе 1919 г. получили от правительства Колчака право преимущественных поставок в Восточную Сибирь промышленных товаров. В записке министра путей сообщения Омского правительства от 27 марта 1919 г. председателю Совета министров указывалось, что за помощь, предоставленную союзниками, «в будущей России будет хозяйничать иностранный капитал, который превратит ее в страну натурального хозяйства». В 1920 г. французы, пользуясь тяжелейшим хозяйственным положением в Крыму, буквально навязали правительству Врангеля кабальные условия предоставления займа в 100 млн фр.³¹

Белые, как и их противники, не получали сколько-нибудь значительных доходов в форме налогов. Правительство Деникина попыталось извлечь максимум доходов из таможенного обложения экспортируемых товаров. Пошлины были установлены и должны были уплачиваться в твердой валюте, но экспортеры постоянно жаловались на ее отсутствие, хотя вывоз товаров из России был, и весьма значительный. Из территорий, занятых белыми, вывозился лен (в 1918 г. на него пришлось 50 % английского импорта из России), лес, кожи, пушнина, нефть, продовольствие.

Белые казачьи власти на Дону, на Кубани и Тереке стремились к тому, чтобы доходы от экспорта и импорта контролировались ими. При каждом из местных правительств создавались свои, «околоправительственные» экспортно-импортные компании.

На Юге и в Сибири белые вводили многочисленные налоги. Правительство Врангеля рассматривало проект введения монополии на соль, предложенный ведомством финансов, рассчитывавшим, таким образом, хоть немного увеличить поступления налогов. Проект был отклонен.

Предприниматели пользовались очень большими – для условий войны – свободами, при этом настоящего взаимопонимания между белыми правительствами и предпринимателями не было. Так, министр торговли и промышленности правительства Деникина В.В. Лебедев, по мнению торгово-промышленной буржуазии, объединившейся в 1918 г. в организацию «Протосоюз», проводил слишком активное государственное вмешательство в экономику, особенно в экспортно-импортные операции. Министр стремился использовать их в интересах правительства, лишая предпринимателей возможных доходов. По мере укрепления белых на юге России противоречия между правительством и торгово-промышленными кругами все более обострялись. В момент наибольших успехов армии Деникина, в начале октября 1919 г., съезд «Протосоюза» добился отставки В.В. Лебедева и замены его на посту министра председателем Совета съезда горнопромышленников Юга России А.И. Фениным³².

Более того, не было и жесткой иерархии государственных структур, занятых решением экономических вопросов. На белом юге России регламентацией работы угольной промышленности и предоставлением вагонов для перевозки хлеба занимались две организации, деятельность которых совершенно не была согласована: главное командование Вооруженных сил на юге России и Донское правительство.

По-видимому, экономическая эффективность

производства у белых была выше, чем при советском режиме.

По данным, приведенным в мемуарах генерала А.И. Деникина, добыча угля в Донбассе упала к концу первого большевистского правления весной 1918 г. до 27 млн пуд. в месяц, поднялась за время немецкой оккупации к осени 1918 г. до 48 млн пуд., вновь стала падать после перехода Донбасса под советский контроль с конца 1918 г., достигнув 16–17 млн пуд. в мае 1919 г. Затем Донбасс перешел к белым, и добыча угля поднялась до 42 млн пуд. к октябрю 1919 г.

Почти весь уголь, который белые могли вывезти из Донбасса, должен был идти на нужды железных дорог, военного флота и армии. Так, в октябре 1919 г. пропускная способность железных дорог Донбасса не позволяла вывезти из него более 22 млн пуд. угля, а минимальные потребности железных дорог, флота и армии составляли 21 млн пуд. Поэтому правительство Деникина вынуждено было встать на путь государственного распределения угля и установления на него твердых цен, которые несколько раз менялись, увеличившись ко времени прихода Красной армии в 5 раз. Твердые цены правительство Деникина устанавливало не только на уголь, но и грозненскую нефть.

Топлива белым катастрофически не хватало. Дефицитнейшим товаром была соль, но Славянский солеваренный завод, например, находившийся на территории, контролируемой белыми, выпускал очень небольшие объемы продукции, что объяснялось только нехваткой топлива.

На юге России находились определенные мощности по паровозостроению, прежде всего – Луганский завод. Как и красные, белые испытывали огромную потребность в ремонте паровозов, однако

организовать сколько-нибудь значительный ремонт на паровозостроительных и металлургических заводах (которые могли бы выпускать запчасти) не удалось. Руководство заводов настаивало, чтобы таким ремонтом занимались железнодорожные мастерские, либо предлагало, чтобы отремонтированные паровозы и вагоны оставались в пользовании отремонтировавших их предприятий. Вновь противоречия интересов, отсутствие сильного единого экономического центра ослабляли экономический потенциал несоветских территорий.

* * *

На протяжении всех лет Гражданской войны острейшими экономическими проблемами Советской России оставались транспортная и топливная.

В конце ноября 1917 г. по российскому топливно-энергетическому комплексу был нанесен сильнейший удар: Грозненские нефтепромыслы, удельный вес которых в добыче нефти за годы войны существенно вырос, были подожжены чеченцами, рабочие с нефтепромыслов укрылись в осажденном чеченцами городе. Нефтяные фонтаны горели полтора года, пламя вздымалось больше чем на сто метров³³.

Начавшийся при Временном правительстве транспортный кризис превратился в транспортную разруху. Перевозка грузов по российским железным дорогам в 1919 г. сократилась в 4 раза по сравнению с 1916 г., в 1921 г. – почти в 5 раз.

В ходе боевых действий к концу 1919 г. было разрушено более 5,5 тыс. верст рельсового пути, более 3,5 тыс. железнодорожных мостов, в том числе – Сызранский через Волгу, Пермский и Сарапульский через Каму, Кременчугский через Днепр.

Чтобы восстановить разрушенное, требовался

металл. Но производство чугуна в 1919 и 1920 гг. было примерно в 40 раз меньше, чем до войны. Производство проката черных металлов в 1919 г. упало в 20 раз по сравнению с 1914 г., а в 1920 г. – еще больше. Это означает, что рельсы практически не производились. Население не могло купить ни гвоздей, ни лопат, которые приходилось выменивать на черном рынке.

Рельсы населению были не нужны, а государство нашло оригинальное решение: рельсы снимались с одних путей, чтобы положить их на другие. Всего за 1917–1922 гг. были сняты рельсы общей протяженностью не менее 12 тыс. верст. Чаще всего разбирались вторые пути. В ряде случаев рельсы снимались с первых путей.

Долгое время РСФСР была отрезана от основных топливных баз: еще в 1918 г. был потерян Бакинский нефтеносный район, с конца 1917 г., стала недоступной грозненская нефть, некоторые районы Донбасса полтора десятка раз переходили из рук в руки. Общая добыча угля в стране в 1919 г. упала почти в 4 раза по сравнению с 1916 г. и продолжала падать в 1920 г. Из-за отсутствия топлива простаивал транспорт.

Основным видом топлива в 1919 г. стали дрова, на них тогда пришлось 90 % общего расхода топлива в пределах 32 советских губерний.

К ноябрю 1918 г. взятые на учет старые запасы дров составляли 3 млн куб. саженой. Планировалось заготовить 9,5 млн куб. саж., однако реально за 1918/19 операционный год было заготовлено чуть больше 3 млн куб. саж., кроме того железные дороги заготовили 1,1 млн куб. саж.

В 1919/20 г. было заготовлено 9,4 млн куб. саж. дров и вывезено 7,1 млн куб. саж. На 1920/21 г. было запланировано заготовить 18 млн куб. саж. дров, что вдвое превышало план предыдущего года. Всей древесины планировалось заготовить 25 млн куб. саж.

Разумеется, эти планы выполнены не были. В начале 1921 г. топливный кризис достиг наибольшей остроты. Из-за отсутствия топлива останавливались заводы, не ходили поезда. Движение полностью прекратилось на 4 500 верстах железных дорог; с декабря 1920 по май 1921 гг. остановилось около 30 % крупных и средних промышленных предприятий³⁴. И это несмотря на то, что в 1920 г. Красная армия заняла все основные топливные базы – Донбасс, Грозный и Баку.

Нефтяные районы достались большевикам вместе с огромными запасами нефти. Когда Красная армия приблизилась к Грозному, Ленин отправил телеграмму реввоенсовету Кавказского фронта: «Смилге и Орджоникидзе. Нам до зарезу нужна нефть. Обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы, и наоборот – даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости». Попыток поджога не было.

11 февраля 1921 г. было объявлено, что до конца месяца закроется 93 петроградских предприятия, в том числе – Путиловский завод. Начались антиправительственные волнения рабочих, забастовки, что, наряду с крестьянскими восстаниями, вынудило правительство Ленина принять новую экономическую политику.

* * *

В исторической литературе часто дается не совсем правильное представление о том, в какой мере удовлетворялись потребности Красной армии в вооружении, боеприпасах и обмундировании. На веру принимаются слова М.Н. Тухачевского: «Мы имели большие запасы винтовочных патронов, доставшихся

нам в наследство от царской армии, кое-что производила наша промышленность, кое-что давали трофеи».

На самом деле основную массу оружия Красная армия получала за счет нового производства и ремонта на старых, дореволюционных предприятиях, которые «трудились на оборону» всю мировую войну³⁵. За период с июля 1918 и до конца 1920 гг. было произведено и отремонтировано около 3 млн винтовок, 1,6 млн револьверов, 20,7 тыс. пулеметов, 2,8 тыс. полевых орудий, 135 тыс. шашек, 1,4 млрд винтовочных патронов. За 1918–1920 гг. авиационные заводы выпустили 669 новых самолетов и отремонтировали 1 574 самоката (так назывались мотоциклы)³⁶.

Винтовки производили Тульский, Сестрорецкий и Ижевский заводы. Патроны – Петроградский, Тульский и Луганский. Артиллерийские орудия и снаряды – Петроградский, Обуховский и Пермский; снаряды выпускались также на Олонецких и Гороблагодатских заводах. Крупнейшими арсеналами, в которых ремонтировали оружие, были Петроградский, Брянский и Киевский. На территориях, контролируемых белыми, заводов военной промышленности почти не было. Правда, Колчак при отступлении увез с Урала в Сибирь (больше всего в Томск) более тысячи вагонов с оборудованием уральских заводов, вместе с инженерами и техниками, но наладить военное производство не успел.

На армию работала и легкая промышленность. За 1919–1920 гг. для Красной армии было произведено свыше 5,6 млн шинелей, свыше 10 млн пар армейской обуви, около 20 млн пар белья.

В 1920 г. продукция хлопчатобумажной промышленности составляла лишь 6,6 % от уровня 1913 г., при этом 40 % хлопчатобумажных тканей было отпущено в 1920/21 г. Красной армии.

Потребление спичек на среднестатистическую душу упало с 22,06 коробков в 1913 г. до 4,24 коробков в 1920 г. Из-за отсутствия спичек в деревне широко распространилось старинное огниво и высекание из кремня искры, зажигающей шнур.

В 1920 г. объем промышленного производства крупной промышленности составлял всего 12,8 % от уровня 1913 г., мелкой – значительно больше – 44 %.

* * *

Начиная с первых месяцев Советской власти, в экономической политике проявлялись тенденции к установлению экономической системы, которая позже получила название «военный коммунизм». Для нее характерны национализация всей промышленности, транспорта и торговли, максимальная централизация руководства экономикой, распределительная уравнивательная система (по карточкам), запрещение свободной торговли, всеобщая трудовая повинность, продразверстка, насилие как неременный элемент хозяйственной системы.

В 1920 г. военно-коммунистические тенденции усилились, несмотря на близкое завершение Гражданской войны. В Советской России непрерывно укреплялась централизация управления производством, распределением, снабжением предприятий. Ограниченные ресурсы концентрировались в руках центральных органов, которые распределяли их по нарядам и ордерам, руководствуясь своими представлениями: о приоритете потребностей, прежде всего – военно-политических.

Председатель ВСНХ А.И. Рыков в июне 1919 г. был назначен чрезвычайным уполномоченным Совета Обороны по снабжению Красной армии (Чусоснабарм),

ему было предоставлено право использовать любой аппарат, изымать и реквизируют любые товары на складах и у населения, если это диктовалось интересами «военной спешности». В ведение Чусоснабарма передавались все заводы, работавшие на оборону. Для управления ими был образован Промвоенсовет.

Централизация управления не всегда была рациональной: различные центральные органы действовали несогласованно. Управление экономикой было крайне неупорядочено и хаотично. Так, топливными вопросами в начале марта 1921 г. только в Москве занималось 18 различных чрезвычайных и обычных организаций. Было совершенно непонятно, каково их соподчинение, взаимные связи, кто за что отвечал. Решения по одним и тем же топливным вопросам одновременно принимались в нескольких фактически независимых центрах.

В апреле 1920 г. на III Всероссийском съезде профсоюзов А.И. Рыков признал: «...До сих пор наблюдается большое количество фабрично-заводских предприятий, на которых имеются 4 или 5 хозяев: заводоуправление, заводской комитет, профессиональный союз, местный исполком, губернский исполком и т.д. и т.п. И каждая из этих няnek отдает распоряжения, вмешивается в производство, друг друга не слушается. Вместо организации хозяйства получается бесстыдная, ни на что не похожая анархия».

К 1921 г. численность служащих советских государственных учреждений возросла минимум вдвое по сравнению с тем количеством, которое было в царской России. Только в системе ВСНХ было более четверти миллиона служащих. Прежде чем решение Президиума ВСНХ доходило до предприятия, оно должно было пройти 6–7 управленческих звеньев.

До абсурда доводилась идея повсеместного и

полного контроля. Бухарин писал в конце 1920 г.: «Мы создаем одни контрольные функции над другими, создаем контроль в квадрате, контроль в кубе, и, в конце концов, всюду стоит контроль, и в то же самое время всюду воруют».

В сентябре 1920 г. было введено строгое государственное регулирование мелкой кустарной и ненационализированной промышленности. Для регулирования работы мелких кустарных предприятий в ВСНХ был образован специальный главк – «Главкустпром», разрабатывавший таким предприятиям программы производства, взявший на себя поставки сырья и орудий производства, а также сбыт продукции.

В ноябре 1920 г. были национализированы предприятия мелкой промышленности, имеющие более 5-ти рабочих при механическом двигателе и более 10-ти без двигателя. Управлять ими хотели из центра, спуская планы производства и снабжая всем необходимым.

22 февраля 1921 г. была организована Государственная общеплановая комиссия РСФСР (Госплан), которой Ленин собирался придать «законодательные функции».

* * *

Характерной чертой советской экономики в период Гражданской войны стала натурализация хозяйственных связей, отказ от товарно-денежных отношений. Натурализация хозяйственных отношений выражалась в том, что государство производило заготовки сельскохозяйственных продуктов не в порядке купли-продажи, а на основе продразверстки с использованием совершенно условных, многократно заниженных «твердых цен»; возрастала и затем стала преобладающей доля продукции, распределяемой

бесплатно либо по «твердым» ценам; резко, в итоге – почти до нуля, снижалось значение финансово-кредитных форм и методов мобилизации денежных средств; натуральный обмен в огромной степени вытеснил куплю-продажу за деньги.

Но деньги продолжали печататься, и большевики увеличивали их эмиссию не меньше, чем белые правительства. В феврале 1919 г. Совнарком объявил о выпуске бумажных денег в форме марок под наименованием «расчетный знак РСФСР» достоинством 1, 2 и 3 руб. Когда в октябре 1919 г. было объявлено о выпуске бумажных денег, самой крупной стала купюра в 10 000 руб.; летом 1921 г. были выпущены купюры в 100 000 руб. В сентябре 1921 г. было решено выпустить денежные знаки достоинством в 1,5 и 10 млн руб. Родилась частушка:

Ни копейки денег нет,
Прибегаю я в буфет –
Разменяйте десять миллионов.

В октябре 1921 г. начался период гиперинфляции, то есть сверхбыстрого роста цен. Он продолжался полгода. В начале 1922 г. была проведена деноминация: 1 руб. денежными знаками образца 1922 г. приравнивался к 10 000 руб. денежными знаками всех прочих образцов.

Вследствие колоссальной эмиссии росли цены. С 1914 по 1 июля 1921 гг. цены выросли: на золото – в 15 тыс. раз, на соль – в 714 тыс. раз, на картофель – в 261,2 тыс. раз, на ржаной хлеб – в 134,4 тыс. раз.

Многие руководители большевиков не видели ничего страшного в колоссальном обесценении денег.

Уже в декабре 1919 г. видный большевик Ю. Ларин подготовил резолюцию об уничтожении денег. Е. Преображенский заявлял, что «обесценение денег есть

одна из сторон отмирания капиталистической системы вообще». Ему вторил нарком финансов Н. Крестинский, уверявший, что обесценение денег является путем к их аннулированию.

Единственный в стране банк – Народный банк, возникший в результате слияния коммерческих банков с прежним Государственным банком, – был упразднен декретом Совнаркома от 19 января 1920 г. Все сохранившиеся еще банковские операции этим декретом были возложены на Центральное бюджетно-расчетное управление Наркомфина.

В то же время различные экономические блага, одно за другим, стали предоставляться бесплатно. Начиная с января 1919 г. была установлена бесплатная пересылка писем по почте. В январе 1920 г. был издан декрет о бесплатном общественном питании. Продовольственную карточку можно было сдать в столовую и перейти на общественное питание. В конце 1920 г. из 35 млн человек, получивших карточки, 21,3 млн пользовались государственными столовыми. В апреле 1920 г. была отменена оплата трудового продовольственного пайка; к этому времени рыночная цена продуктов, входивших в состав пайка, была примерно в 100 раз выше той суммы, которую приходилось отдавать при «отоваривании» карточки.

В марте 1920 г. отменялась оплата советскими учреждениями всех почтовых отправлений, устанавливалось бесплатное пользование телеграфом, телефоном и радио. В августе 1920 г. была отменена оплата за перевозку грузов по железным дорогам, предусматривался бесплатный проезд по железным дорогам всех командированных, едущих на работу, в отпуск и обратно, бесплатный проезд всех детей до 16 лет. В городах была отменена оплата проезда в трамвае – единственном тогда виде коммунального транспорта. В

октябре 1920 г. отменялась квартплата и оплата коммунальных услуг. В течение декабря 1920 – марта 1921 гг. была отменена плата за отпускаемые населению продовольственные продукты и предметы широкого потребления, за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радио, за топливо, за отпускаемые по рецептам врачей из аптек медицинские средства, за фуражные продукты, за произведения печати. Отменялась платность услуг, предоставляемых железными дорогами.

Широкое распространение в 1920 г. получила бесплатная раздача так называемой производственной одежды, причем каждый профсоюз выбрал и утвердил для своих членов образцы такой одежды. Одновременно началась раздача «производственной обуви», а также фуражек и головных платков. И никакой иной одежды, кроме «производственной», у многих рабочих просто не было.

Так как почти все блага предоставлялись бесплатно, независимо от результатов труда, все рабочие получали приблизительно одни и те же доходы.

В начале 1921 г. разница в оплате труда рабочих высшего, 12-го, разряда и рабочих низшего, 1-го, разряда была сведена всего лишь к 2 %, хотя их ставки отличались в 1,75 раза: размеры продовольственного пайка были одинаковы, а львиная доля реальной оплаты труда поступала именно через продпак. По оценке П.Б. Струве, «города из производственных центров превратились в скопление чистых потребителей».

На содержании государства состояло в 1918/19 г. 12 млн человек, в 1919/20 г. – 23 млн, в 1920/21 г. – 35 млн. Обеспечить всю эту массу населения бесплатным хлебом было невозможно, поэтому не менее половины продовольствия горожане вынуждены были покупать у мешочников.

В 1920 г. власти закрыли Сухаревский рынок в Москве, но масштабы нелегальной торговли отнюдь не уменьшались. Ленин в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» писал: «Приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину – мешочники». Однако Ленин существенно преуменьшал долю мешочников: даже по данным, приведенным в этом очерке, доля мешочников составляла 56 %. Исследователи – и того времени, и современные – говорят о 70–80 %. Цены «вольного рынка» стремительно росли. Стоимость одного пуда пшеничной муки в Петрограде в январе составляла: 1917 г. – 10 руб., 1918 г. – 60 руб., 1919 г. – 600 руб., 1920 г. – 2 000 руб., 1921 г. – 30 000 руб., 1922 г. – 2 000 000 руб., 1923 г. – 60 000 000 руб.

* * *

Еще одним отличием «военного коммунизма» стала милитаризация труда.

В январе 1918 г. была введена всеобщая трудовая повинность. В ноябре 1919 г. она имела формы: а) натуральной дровяной повинности, б) трудовой повинности по заготовке, погрузке и выгрузке всех видов топлива, в) гужевой повинности. Гужевая повинность заключалась прежде всего в обязанности доставить заготовленные дрова на железнодорожную станцию, пристань или в ближайший город. В январе 1920 г. была введена военно-трудовая повинность и были проведены трудовые мобилизации всех рабочих и специалистов железнодорожного транспорта, водного транспорта, горнорабочих-забойщиков, металлистов, текстильщиков и т.д. вплоть до медиков и юристов.

Для практической реализации декрета о всеобщей трудовой повинности был создан Главный комитет

трудоу повинности (Главкомтруд) во главе с Ф.Э. Дзержинским. Структуры этого комитета на местах должны были выявлять граждан, не занятых общественным трудом. Высшее политическое руководство не забывало о таких гражданах. Ленин телеграфировал в Самару в апреле 1920 г.: «Не увиливают ли от трудов повинности буржуи и обыватели? Необходимо подтянуть изо всех сил».

Всего за первую половину 1920 г. в порядке топливно-гушевой повинности было мобилизовано около 6 млн человек и свыше 6 млн подвод.

В январе 1920 г. стали создаваться трудовые армии: несколько армий были переведены на положение трудовых, с сохранением воинской дисциплины, наказанием за дезертирство, казарменным положением трудармейцев.

В феврале 1920 г. на промышленных предприятиях вводилась военная дисциплина, фабричные и заводские комитеты упразднялись, управление фабриками и заводами вручалось единоличной власти директоров, вооруженных сильной дисциплинарной властью вплоть до права лишения пайка и отсылки в концентрационные лагеря. Была установлена обязанность прогульщика отрабатывать дни прогула сверхурочно и в праздники.

В апреле 1920 г. Троцкий заявил на III съезде профсоюзов, что при социализме принудительный труд может быть весьма эффективным. Бухарин полагал, что принудительный характер труда отомрет последним, после отмирания армии и флота и системы карательных органов.

* * *

Деревня в 1920 г. оставалась

«несоциалистической». Крестьяне могли сами определять, сколько им сеять зерна и других культур, и, зная, что все «излишки» все равно будут беспощадно изъяты по продразверстке, уменьшали площадь пахоты. В результате резко упала валовая продукция сельского хозяйства: в 1919 г. она составляла 74,8 % от уровня 1913 г., а в 1920 г. – 61,1 %. Это означало, что голод в городах становился все сильнее. И все явственнее обозначалась перспектива скорого голода в традиционных зернопроизводящих районах, прежде всего – в Поволжье³⁷.

Осенью 1920 г. большевистские руководители откровенно признавали, что в условиях продразверстки крестьяне «нередко пытаются сокращать посевы и вообще сводить хозяйство к потребительскому уровню». Выход из этого положения большевики видели в дальнейшем усилении внеэкономического давления на крестьян.

Предлагалось ввести государственное регулирование крестьянского хозяйства, требовать от них засеять всю пахотную землю, диктовать, что именно сеять и как это делать. Эти идеи активно обсуждались накануне VIII Всероссийского съезда Советов, открывшегося в конце декабря 1920 г. Ленин заявил: «В стране мелкого крестьянства наша главная и основная задача – суметь перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять».

На съезде власть потребовала от крестьян «полного засева полей по заданию государства и правильной их обработки по примеру лучших, наиболее старательных хозяев – середняков и бедняков». Засев площади земли, устанавливаемый государственным планом засева, был объявлен государственной повинностью крестьян. Создавались губернские, уездные и волостные комитеты, призванные бороться с

недосевом, устанавливая «правильные сроки» вспашки, боронования и других работ, добиваться нужной государству пропорции посева различных культур. Комитеты должны были указать каждому крестьянину, что ему сеять, где, как и когда³⁸.

В деревне стали насаждаться «коммуны». Если к концу 1918 г. в стране было чуть больше полусотни совхозов, а в сельскохозяйственных коммунах и артелях насчитывалось менее 100 тыс. человек (вместе с членами семей), то к началу 1921 г. в деревне было создано примерно 17 тыс. «коммун» и коллективных хозяйств. Ответом крестьян на усиление военно-коммунистического давления стали многочисленные массовые вооруженные выступления. Именно они, а также мятеж Кронштадта вынудили большевиков в середине марта 1921 г. отказаться от продразверстки, установления планов засева, централизованных «мобилизаций, перераспределения и переброски в другие районы людей, лошадей и крестьянского инвентаря». Наконец-то большевики признали за крестьянами право самим распоряжаться частью выращенной ими продукции, в том числе – продавать ее на «вольном рынке» по свободным ценам.

На VIII съезде Советов наряду с решением о переходе к «общегосударственному плану засева» был принят план электрификации страны – ГОЭЛРО, который Ленин называл «второй программой партии».

Для понимания сущности плана ГОЭЛРО чрезвычайно важно помнить, что он был принят в разгар политики военного коммунизма, на самом пике этой политики. Исходной была идея максимальной централизации управления, поэтому наилучшим считался тот вид топлива и энергии, который технологически такую централизацию обеспечивал. Наибольшую централизацию обеспечивали электростанции, именно их

и должны были питать торф, сланцы, местные угли. Темп роста добычи этих видов топлива намечался максимальным.

Самые низкие темпы роста намечались для нефтедобычи; у нефти, по мнению большевистского руководства, был огромный недостаток: нефтетопливо, и сжигаемое в форсунках, и используемое в двигателях внутреннего сгорания, содействовало «децентрализации», так как применявший такое топливо производитель технологически от каких-либо центральных органов не зависел. А вот потребитель электричества зависел полностью. По этому поводу Г.М. Кржижановский сказал на VIII съезде Советов: «...Электричество является формой концентрации и обобществления, двигатели внутреннего сгорания являются носителями центробежных, децентрализующих тенденций».

Отношение к трактору как к «союзнику кулака» заставляло искать иные, контролируемые из центра технологии пахоты, поэтому в план ГОЭЛРО была включена в качестве важнейшей совершенно фантастическая задача скорейшего перехода на электропахоту. Правда, электроплуг нигде в мире не применялся, но задание по его конструированию и производству было поставлено перед ведущими машиностроительными заводами страны.

В строгом соответствии с планом ГОЭЛРО быстрее всего в 1921 г. росла добыча торфа: она увеличилась в 1,5 раза (добыча нефти за год упала). У торфа обнаружилось одно огромное преимущество (с точки зрения политико-идеологической целесообразности), перевешивавшее его низкую экономическую эффективность: торфодобыча, неизбежно сезонная, прекрасно подходила для реализации коммунистической мечты о соединении труда аграрного и

индустриального, ибо на торфоразработки посылались десятки и сотни тысяч крестьян.

«Снятие противоречий» между трудом умственным и физическим откладывалось на более далекую перспективу.

Преображенский в 1920 г. так представлял себе, что будет через 50 лет: «В Московском политехническом музее в 1970 г. шли лекции по истории великой русской революции, привлекавшие большое количество слушателей. Лекции читал профессор русской истории и в то же время слесарь железнодорожных мастерских Минаев».

* * *

В сельском хозяйстве отказ от основных принципов военного коммунизма начинается весной 1921 г., однако в промышленности и на транспорте «военно-коммунистическое» давление не ослабляется вплоть до лета 1921 г. До августа 1921 г. железнодорожная сеть и водный транспорт работали почти бесплатно. С осени 1921 г. в промышленности постепенно начинают применяться новые принципы управления, единоначалие, отказ от уравнительного распределения.

В августе 1921 г. крестьяне и ремесленники получили право свободно распоряжаться продуктами своего труда, а органы ВСНХ – право сдавать в аренду кооперативам и частным лицам национализированные предприятия, была введена платность государственных и коммунальных услуг. Резко возрастает значение денежной (а не натуральной) оплаты труда, в целом увеличивается роль товарно-денежных отношений. Но отказ от военно-коммунистических принципов управления шел довольно медленно; так, лишь в марте

1922 г. был издан декрет о введении платы за топливо.

Вместо главков основной управленческой формой в промышленности становятся тресты, работавшие на основе самоокупаемости и хозрасчета.

* * *

В 1921–1922 гг. вследствие засухи и неурожая наступил страшный голод, гораздо более сильный, чем в 1891 г. Погибли миллионы людей.

Об угрозе засухи в 1921 г. говорили уже на VIII съезде Советов в декабре 1920 г., тогда же об этом писал журнал «Народное хозяйство». Тем не менее к засухе власти готовы не были. Золотовалютные ресурсы должны были бы быть выделены прежде всего для закупки хлеба. Однако в 1921/22 хозяйственном году (год начинается с 1 октября) доля продуктов мукомольного производства в импорте составляла менее 10 %. На значительно большую сумму, чем хлеб, были закуплены паровозы в Швеции и Германии – паровозы, совершенно ненужные, так как в 1920 г. не работали из-за недостатка топлива до 500 паровозов, в 1921 г. – около 2 тыс. Если бы паровозы понадобились, их легко можно было отремонтировать на русских заводах. Чтобы рассчитаться за ненужные паровозы, тоннами вывозилось золото, причем значительная часть золота поступала в качестве аванса³⁹.

Паровозная афера большевиков долгое время скрывалась, как и другая – с самой грандиозной стройкой 1920–1921 гг., когда огромные ресурсы были вложены в строительство ненужной транспортной магистрали от Эмбенских нефтепромыслов к Волге. От строительства окончательно отказались в августе 1921 г., когда почти все строители умерли от голода⁴⁰.

* * *

По удачному выражению одного современного историка, большевистские руководители чувствовали себя «магами мировой истории, которым доступно все». Они искренне считали, что пролетарское государство само творит экономические законы и ни с одним известным и действовавшим «при капитализме» объективным экономическим законом можно не считаться.

Возникали грандиозные утопические проекты вроде строительства туннеля под Волгой. Как вспоминал Ю. Ларин в конце 1918 г., вскоре после захвата власти большевики рассматривали возможность поворота Амударьи в Каспийское море; новое русло должно было идти от самого Афганистана, мимо Мерва и Ашхабада, общая протяженность новой водной артерии намечалась в 1 500 верст. Проектом надеялись заинтересовать «англо-французов». Еще одной идеей было строительство железной дороги Сороки–Котлас–Обь, и тоже совместно с «англо-французами». В числе крупнейших строительных работ, намечаемых в 1918 г., было начало сооружения Волго-Донского канала, строительство которого предполагалось осуществить в течение 5–5,5 лет.

Сразу же после разгрома Колчака при Сибревкоме был создан Комитет Северного морского пути, первой задачей которого были названы поиски месторождений угля в районе устья Енисея для заправки топливом пароходов, которые пойдут из Мурманска к Берингову проливу.

В 1921 г. журнал «Народное хозяйство» (№ 10. С. 117–118) писал о необходимости построить железнодорожный Великий Северный путь, сначала от Великого Устюга до Оби, а затем и на восток от Оби.

Кроме того, предполагалось построить магистральные меридиональные железные дороги к устьям Оби и Енисея.

* * *

В 1921–1922 гг. Гражданская война заканчивалась, неизбежно должна была наступить демилитаризация экономики. Были исчерпаны ресурсы, доставшиеся большевикам в наследство от старой власти. На смену революционно-романтическим идеям к большевикам приходило гораздо более трезвое представление о мире и осознание, пока еще смутное, того факта, что есть объективные экономические законы, с которыми приходится считаться.

Примечания

¹ Минаев В.В. Война и российская экономика: от трудностей к общему кризису // История России, 1914 – 1922: Учебно-методический модуль. М., 2004. С. 65–74.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Т. 1. М., 1930. С. 98, 118.

³ Минаев В.В. Война и российская экономика: от трудностей к общему кризису // История России, 1914 – 1922: Учебно-методический модуль. М., 2004. С. 44–45.

⁴ Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., 1947. С. 387.

⁵ Данилов Н.А. Экономика и подготовка к войне. М.; Л., 1926. С. 103.

⁶ Минаев В.В. Война и российская экономика: от трудностей к общему кризису // История России, 1914 – 1922: Учебно-методический модуль. М., 2004. С. 74–86.

⁷ Сенин А.С. Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викжедор, Всопрофжель... (1917 – 1918 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2(13). С. 77–85.

⁸ Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917 – 1920 гг. М., 1999. С. 46–69.

⁹ Минаев В.В. Война и российская экономика: от трудностей к общему кризису // История России, 1914 – 1922: Учебно-

методический модуль. М., 2004. С. 56–64.

¹⁰ *Минаев В.В.* Война и российская экономика: от трудностей к общему кризису // История России, 1914 – 1922: Учебно-методический модуль. М., 2004. С. 44–45.

¹¹ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 280–281.

¹² *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 55–61; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 154–156.

¹³ *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917 – 1920 гг. М., 1999. С. 79–96.

¹⁴ *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 45–46; *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 347.

¹⁵ *Драма российской истории: большевики и революция.* М., 2002. С. 229.

¹⁶ *Минаев В.В.* Война и российская экономика: от трудностей к общему кризису // История России, 1914 – 1922: Учебно-методический модуль. М., 2004. С. 49–52.

¹⁷ *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 104–142; *Ипполитов С.С.* Финансовая интервенция против России // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 22–38; *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 36, 54, 68; *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 220–224, 351–354.

¹⁸ *Ипполитов С.С.* Финансовая интервенция против России // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 30–38.

¹⁹ *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917 – 1920 гг. М., 1999. С. 70–78.

²⁰ *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917 – 1920 гг. М., 1999. С. 103–111.

²¹ *Поляков В.А.* Аграрная политика большевиков: от продразверстки к голоду // Гражданская война в России, 1917 – 1922. М., 2006. С. 319–321.

²² *Поляков В.А.* Большевики и борзые (особенности интернациональной охоты) // Новый исторический вестник. 2002. № 1(6). С. 55–64.

-
- ²³ Народное хозяйство. 1919. № 11-12. С. 47.
- ²⁴ *Давыдов А.Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть, 1917 – 1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002.
- ²⁵ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 280–289.
- ²⁶ *Цветков В.Ж.* Продовольственная политика деникинского правительства // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 112–127.
- ²⁷ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 410–423.
- ²⁸ *Цветков В.Ж.* Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 116–130.
- ²⁹ *Карпенко С.В.* Белое дело: Врангель в Таврии. М., 1994. С. 18–32; *Цветков В.Ж.* Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 127–128.
- ³⁰ Народное хозяйство. 1921. № 4. С. 37.
- ³¹ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 362–387.
- ³² *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 234, 239–244, 258–260.
- ³³ *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917 – 1920 гг. М., 1999. С. 66–69.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 26. Л. 55.
- ³⁵ *Минаев В.В.* Война и российская экономика: от трудностей к общему кризису // История России, 1914 – 1922: Учебно-методический модуль. М., 2004. С. 65–74.
- ³⁶ *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918 – 1920 гг. М., 1970. С. 392–393.
- ³⁷ *Поляков В.А.* Аграрная политика большевиков: от продрозверстки к голоду // Гражданская война в России, 1917 – 1922. М., 2006. С. 324–340.
- ³⁸ *Поляков В.А.* Аграрная политика большевиков: от продрозверстки к голоду // Гражданская война в России, 1917 – 1922. М., 2006. С. 340–343.
- ³⁹ *Иголкин А.А.* Ленинский нарком: у истоков советской коррупции // Новый исторический вестник. 2004. № 1(10). С. 18–53.
- ⁴⁰ *Иголкин А.А.* Алгемба: нефтепровод в небытие // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 5–34; *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917 – 1920 гг. М., 1999. С. 132–162.